

**Виктория
Токарева**

Между прочим...

*Повесть, очерки, эссе,
интервью*

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43
Т51

Токарева В.

Т51 Между прочим...: повесть, очерки, эссе, интервью. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-389-22741-5

Жизнь и творческий путь Виктории Токаревой наполнены дружбой, любовью, удивительными событиями, встречами и, главное, «привычкой к творчеству», которая, цитируя автора, «тоже зависимость, и бороться с ней бесполезно».

Толстой и Чехов, Довлатов и Войнович, Данелия и Феллини, Володин, Митяев, Тодоровский — все они герои вошедших в сборник эссе и очерков.

И конечно, автобиографическая повесть, ибо «семья — главная ценность человека. Она поддерживает слева и справа. Не дает провалиться и опуститься».

Завершает сборник блистательное интервью — квинтэссенция жизненных принципов и философской системы писательницы.

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-22741-5

© Токарева В. С., 2023

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023

Издательство АЗБУКА®

И жизнь, и слезы, и любовь...

Повесть

Меня пригласили на передачу «Судьба человека».

Человек — я. Судьба — это характер. А может быть, характер ни при чем, все записано заранее в книге судеб. Так или иначе, пришлось пробежаться памятью по своей жизни. Как гармонист по кнопкам. Пробежаться и послушать звучание. Каково оно? Весело? Грустно? Или просто собачий вальс...

Удалась ли мне моя жизнь, или все пошло наперекосяк?

Чего я добилась? Что сбылось из того, о чем мечтала?

В свои двадцать лет я мечтала напечататься в журнале «Юность». И я напечатала статью под названием «Страна чудес». Я даже не помню, о чем эта статья. Какая-то мура собачья. Но статья вышла в журнале «Юность». Там стояла моя фамилия. Счастье.

В это время я уже была замужем за Игорем Дьяченко и жила в Москве на улице Горького, в доме, где помещался ресторан «Баку». Самый центр. Мы жили с родителями Игоря. Их звали Софья Ефимовна и Лев Ильич. Соня и Лева. Им в ту пору было по пятьдесят с небольшим. Молодые еще люди, но мне, двадцатилетней, они казались почти стариками.

Соня до войны работала в организации, которая называлась Коминтерн — Коммунистический интернационал.

Чем занималась Соня? Это был большой секрет. Со временем секрет приоткрылся. Соня внедряла наших шпионов в другие страны. Шпион должен был куда-то приехать, с кем-то встретиться, пароль, то-сё. Ни в коем случае не провалиться, иначе Соне не сносить головы.

Соня была молодая, синеглазая, стройная. Двигалась стремительно, как подстегнутая лошадка.

Ей поручали встречать высоких гостей. Почему? Она была красивая и сообразительная. Ей не надо два раза повторять, все понимала с полуслова.

Однажды Соня в красной косыночке встречала важного гостя — лидера зарубежной коммунистической партии. Она стояла, исполненная гордости, но вдруг захотела по малой нужде. Физиология вмешалась весьма некстати. Отойти было нельзя, но и терпеть невозможно. Соня надеялась, что позыв как-то рассосется или хотя бы ослабнет, но нет. Еще секунда — и лишнее потечет самотеком, и лидер коммунистической партии станет свидетелем большого позора и может даже усомниться в базовых ценностях коммунизма, построенного в одной отдельно взятой стране.

Сонечка метнулась в туалет, который находился в шаговой доступности, и в этот момент, именно в эту секунду, вошел лидер с сопровождением. Его никто не встречал. Лидер растерянно оглядывался. Скандал!

Лидер выразил свое недоумение, и в эту минуту вернулась Сонечка — синеглазая и виноватая, буквально преступница.

Сопровождение разинуло пасть и стало избивать Сонечку словом. Сонечка зарыдала. Лицо ее собралось в такую горестную гримасу, а слезы хлынули таким водопадом, что лидер не выдержал и обнял Сонечку. Услышал под ладонями ее юное тепло, ощутил на своих губах морскую влагу ее слез. И влюбился.

Сонечку повысили по службе. Лидер все никак не мог справиться со своим чувством. Разгорелся роман.

и жизнь, и слезы, и любовь...

У Сони к тому времени уже был муж Лева и сын Игорь. Она попала в сложное положение. Семья — святое, но Лева был комсомолец, а лидер — коммунист. Соня жила под гипнозом высоких идей. Лидер перевешивал на весах жизненных перспектив. Однако Лева — законный муж, а лидер законы игнорировал. Жил одним днем и ничего не обещал. Только слова. Слов он не жалел, сыпал как из мешка. А потом и вовсе уехал в свою страну и в свою семью.

Соня не стала тратить время на бесплодные страдания. Она быстро забеременела и родила второго ребенка — девочку Светочку. Светочка оказалась копией Левы, так что Сонечка как бы удвоила Леву и тем самым укрепила семейную жизнь. А лидер ушел в культурный слой ее памяти. Было и прошло. А может, и не прошло, но все равно надо жить настоящим.

Настоящее — это дети, живые и теплые, и муж Лева — тоже живой и теплый. А тут еще война. Эвакуация. Хождение по мукам.

Война окончилась. Мнительный Сталин всех подозревал в заговоре, никому не верил и на всякий случай убил Михоэлса, посадил жену Молотова, обезопасил себя от мнимых врагов.

Начались массовые посадки, интеллигенция втянула головы в плечи. Никто не забыл террор тридцать седьмого года. Надеялись, что война прекратит эту инквизицию, переведет стрелку с минуса хотя бы на ноль. Но нет.

Сталинская паранойя не ослабла, мания преследования крепла, взметнулась новая волна.

Сотрудников Коминтерна начали сажать. Черная машина приезжала ночью.

Соня ждала со дня на день, но за ней никто не пришел. Видимо, она была слишком мелким винтиком в государственной мясорубке. Про нее забыли. И она уцелела. Затерялась. Но напряжение ожидания... Иногда казалось, что лучше бы уже пришли и взяли и посадили в камеру. Все-таки определенность. Определенность — лучше ожидания. Хотя как знать...

Коминтерновцы жили в гостинице «Националь» — десять минут от Кремля.

Соне нравился центр. Выходишь на улицу, идешь в потоке людей и заряжаешься энергией потока. Хорошо.

Коминтерн стали расселять. Вместо центра предложили задворки Москвы. Сейчас это — красные дома в районе метро «Университет». Элитный район. А тогда — край Москвы, избушки на курьих ножках, ходят коровы, лают из-под заборов собаки, бабушки в платочках продают корявые яблоки, блохастые цветы. Соне казалось, что с роскошного парохода в огнях их переселяют на старую баржу, где мусор, ржавые бочки и сплошные сумерки.

Бедная Соня не умела смотреть вперед. В красных домах предлагали отдельную трехкомнатную квартиру. На семью из четырех человек это было необходимо и достаточно. Но Соне нужен был центр, и только центр, и она получила улицу Горького, дом двадцать четыре, в котором размещался ресторан «Баку». Ей досталась тридцатиметровая комната в коммуналке. Соня наняла пару работяг. Они разделили комнату пополам, поставили тонкую стенку. Обклеили обоями. Получилось две кишки.

В эти две кишки Игорь привез еще и жену. То есть меня. Только меня там и не хватало. Но как же хорошо мы жили! Вот уж действительно: в тесноте, да не в обиде.

Коммунальная квартира

Квартира, в которую въехала Соня, состояла из четырех комнат. В каждой комнате — семья.

Напротив нас жила женщина неопределенного возраста. По имени ее никто не называл, все звали «Рыжая». Она красилась в рыжий цвет.

До моего приезда Рыжая жила с мужем Яшей, но потом Яша пропал. Он ушел к молодой, которая родила ему ребенка.

Престарелый Яша стал отцом. Ребенок плюс молодая жена — серьезный перевес не в пользу Рыжей.

Рыжая ходила подавленная. Однажды я случайно подслушала ее телефонный разговор с бывшим мужем. Она уговаривала Яшу вернуться. Меня поразили ее нежные молодые интонации. Рыжая напоминала Яше золотые времена, когда они оба бродили под покровом любви.

Яша не поддавался. Прошлое ушло в прошлое. Рыжая плакала возле телефона. Ее любовь похоронили, зарыли в землю, а любовь еще жива и вопиет.

Я в это время находилась в ванной комнате, невольно слышала разговор и удивлялась: как может такая старая и некрасивая любить сама и рассчитывать на ответное чувство?

Яшу я однажды видела: возрастной, приземистый еврей в каракулевой шапке «пирожок». Не Ромео. И надо же, кто-то на него польстился. Чудеса.

Иногда Рыжая уезжала в Крым, к больному брату. Комната целый месяц стояла пустой. Яша давал ключи своим друзьям — старым прелюбодеям, и они приводили в комнату подруг низкой социальной ответственности (современное выражение). А если попросту, дешевых шлюх.

В это время кто-то обязательно находился на кухне и видел, как по коридору шествует грешная пара: баба, похожая на метлу, и мужик — копия Яша, такой же приземистый и в таком же «пирожке».

Смотреть на это было стыдно. И противно, когда твое жилище превращают в бордель, пусть даже временный.

Рыжая возвращалась. Бордель прикрывался. Ей никто ничего не говорил. Она не знала.

Однажды Рыжая получила письмо из Крыма. Жена брата сообщила, что больше она не останется с больным человеком. Пусть Рыжая забирает его в Москву, поскольку один он оставаться не может.

Рыжая пришла в ужас. Присутствие брата-инвалида буквально зачеркивало ее жизнь. Но делать нечего.

Брат появился в нашей коммуналке. Большую часть времени он находился в комнате, но иногда выходил погулять в коридор. Это был мужчина непонятного возраста — от сорока до семидесяти. Лицо отражало отсутствие всякой мысли. Видимо, мозг не работал.

Он стоял слегка под углом, пробовал ходить, иногда громко пукал и после этого пробегал вперед несколько шагов. Сие напоминало запуск космической ракеты. Из хвоста вылетает жар, после чего ракета устремляется ввысь.

Рыжая его жалела. Я видела, как она готовит ему диетическую еду: морковь, яблоки, сливки. Должно быть, это вкусно. Рыжая вообще была рукастая, опрятная, ответственная — идеальная жена. Потеряв мужа, она потеряла смысл жизни. Больной брат в какой-то степени восполнил этот смысл.

Соседи не играли никакой роли в моей жизни. Почему я пишу о них так подробно? Потому что далекое прошлое помнится гораздо ярче и отчетливее, чем близкое вчера и позавчера. Это особенность человеческой памяти.

Рядом с нашей комнатой жила семья из четырех человек: Шурочка, ее муж Владик и двое маленьких детей.

Работал один Владик. Он всегда ходил в белой рубашке под галстук, из чего я сделала вывод: Владик — чиновник. Он был высокий, красивый, породистый, вполне молодой. Я ему нравилась. Шурочка это видела и бесилась.

Я ничего не замечала. Я была влюблена в своего мужа, и другие мужчины для меня не существовали. Так что перед Шурочкой я была чиста, как капля росы на траве.

Однажды я приобрела шапку из рыси. Вышла на кухню показать себя во всей красе. На кухне стоял Владик. Я спросила: — Красиво? — и повернулась вокруг своей оси. — Ты еще юбку задери, — предложила Шурочка.

— Зачем? — не поняла я.

— Покажи, как там: красиво или не очень?

Соня пробовала борщ. Рот ее был занят. Она промолчала.

Владик за меня не вступился, и правильно сделал. Зачем подливать масла в огонь?

Я посмотрела на всю эту компанию и сказала:

— Какие вы все противные! — и удалилась в свою комнату, исполненная достоинства.

Соня вошла следом. Я думала, она будет ругать меня за грубость, но у Сони было хорошее настроение и приветливое лицо. Она все понимала: Владик — бабник, Шурочка — на страже своих границ, как пограничник, а я — чистый лист, на котором еще никто и ничего не написал.

Мой жизненный опыт был неглубокий и прозрачный, как вода у берега. Впереди — бескрайнее пространство, а также огонь, вода и медные трубы. Но я об этом еще ничего не знала.

Иногда Шурочка не желала готовить, а заказывала обед в ресторане «Баку». Ей приносили на дом изысканные блюда с мусульманским акцентом. Запах мяса, жаренного на углях, растекался по всей квартире. Сонечка недоумевала: откуда такое барство? Одна зарплата Владика на семью из четырех человек, не всегда получается свести концы с концами. А тут — ресторан, да еще на дом... Откуда столько гонора у людей с голым задом?

Я думаю, Соня немножко завидовала. Она не могла позволить себе такое даже в мыслях. А Шурочка — позволяла. Это был ее протест против наезженной колеи. Шурочке надоедало тащиться, как лошади, запряженной в телегу, и ничего не видеть вокруг. Время от времени лошадь останавливалась и переворачивала телегу. А иногда и вовсе вырывалась из упряжки и скакала по дорогам и по заснеженным полям.

Шурочка далеко ускакать не могла. Семья. А Владик ускакал в конце концов.

Это случилось после того, как мы съехали с улицы Горького. Он звонил мне по новому телефону, хотел поговорить.

А я каждый раз не понимала: о чем мне с ним разговаривать? С Шурочкой или без Шурочки, он был мне неинтересен.

Теснота и бедность ничему не мешали. Но я понимала: надо что-то делать. Надо карабкаться. Какое-то время можно жить так, но не всегда.

Я устроилась работать учительницей пения в подмосковной, практически сельской школе. Директор школы — сорокалетний осетин — взял меня на работу по двум причинам. Первая причина — вакансия, свободное место. А вторая причина — мои двадцать два года.

Осетин был всегда небрит, и казалось, что на его щеках — зеленоватая плесень.

Я не понимала, чего он от меня хочет, зачем вызывает в свой кабинет. Он тем не менее вызывал и начинал медленно приближаться. Я медленно отдалялась. Мы плавно ходили вокруг стола. Потом я оказывалась возле двери и спортивно выскакивала в коридор.

Меня поражала мужская самоуверенность. Неужели этот заплесневелый пень на что-то рассчитывает? Куда он лезет? Видимо, директор считал себя барином, а подчиненных — дворней. Ему можно все. Но не на такую напал. Я могла и в морду плюнуть. Однако зачем этот спектакль? Я просто ушла с работы без сожаления. Пение — предмет необязательный. Дисциплина на уроках отсутствовала. Ученики со мной не считались, могли дернуть за волосы. Строили рожи за моей спиной.

Я возвращалась домой несчастная и униженная. Жаловалась мужу. Он говорил:

— Не обращай внимания. Я у тебя есть, и все. Что еще надо?

Он у меня был, а я была у него. Мы были друг у друга, только этого мало, хотелось чего-то еще. Хотелось реализации своего «я». Чтобы все вдруг замерли и воскликнули: «Смотрите, кто пришел!»

Для полного счастья одной любви недостаточно. Может, кому-то и достаточно, но не мне.

Однажды мы с Игорем отправились в Парк культуры имени Горького. Было воскресенье, ранняя осень.

Купили билеты на колесо обозрения. Колесо подняло нас над Москвой, на самую высокую точку.

Я вдруг сказала:

— Вот так и я поднимусь когда-нибудь надо всеми.

Игорь покосился в мою сторону и заметил:

— У тебя мания величия, иди полейся...

А никакой мании не было. Просто я чувствовала в себе дополнительную тугую энергию и верила в себя.

Игорь был всем доволен. Ему не хотелось куда-то лезть, высоко подниматься. Ему было хорошо на своем месте, и мое тщеславие его настораживало и даже пугало. А вдруг я действительно вырвусь из его пространства и меня украдут, переманят?

Кресло покачивалось от ветра. Москва лежала в дымке. Жизнь только набирала обороты, как маховое колесо. Еще не кончилась юность, впереди молодость и зрелость. Дальше я не заглядывала.

Я была молода, а значит, бессмертна. И неисчерпаема, как море.

В Москве было место, где собирались жаждущие снять жилье и сдать. Мы с Игорем приехали на эту площадку. Серая нищеватая толпа перетаптывалась под открытым небом. Все бедные, плохо одетые, на лицах — обреченность. И я среди них, такая же нищеватая и обреченная. Ничего стоящего не предлагается. Перспективы — никакой.

Я поглядела на Игоря. Он стоял, как на автобусной остановке в ожидании автобуса. На лице никакой энергии, никакого азарта. Просто стоял, и все. Шапка из серого кролика была дешевая. Не украшала. И я вдруг поняла: он всю жизнь так и будет стоять, как на остановке. Он не борец. Не лидер.

И даже не ведомый. Он не поведет за собой. И сам ни за кем не пойдет. Ему и так хорошо. И если я хочу чего-то добиться, я должна это делать сама и одна. Эта догадка пронзила меня и опечалила. Как будто я что-то потеряла.

Мы потоптались безрезультатно и поехали домой, в свою коммуналку.

Через полгода нам улыбнулась удача: вдовая генеральша сдавала проходную комнату.

Мы пришли посмотреть: я, Игорь и Соня. Я — впереди.

Вошли в дверь. Первое, что я увидела, — громадную морду овчарки. Ее звали Ральф. Это я узнала впоследствии. А сейчас было не до знакомства. Ральф долетел до меня, ухватил зубами плечо и замотал башкой в экстазе гнева. Я взвыла от боли и ужаса. Старая генеральша сделала Ральфу замечание. Тот отошел от меня и залез под стол. Я рыдала, не могла успокоиться. Сквозь разорванный рукав виднелся лиловый синяк величиной с блюдце. Следовало уйти из этого дома, но выбора у нас не было, и мы остались.

Я сидела и тихо плакала. Ральф преданно глядел на Игоря, он выбрал его вожаком. На меня не обращал внимания.

Мы остались жить у генеральши и Ральфа.

Наша любовь с мужем имела высокий градус. Можно сказать, поыхала, как факел. Но с тех пор я сомневаюсь в пословице «С милым рай и в шалаше». В шалаше холодно и течет. Бедность нашего жилища. Ветхость самой старухи. Ее геморройный голос, собачья шерсть на постели и на столе... Кажется, что так будет всегда.

Я жила на ощупь. Искала себя. Отправилась в журнал «Юность» и получила задание: собрать материал о сельскохозяйственной выставке. Собрала. Написала статью. Это было начало моей писательской карьеры.

Статью опубликовали. Моя фамилия — в журнале «Юность». Я — настоящий писатель, которого печатает столичный журнал.

и жизнь, и слезы, и любовь...

Получив гонорар, я пригласила всю семью в ресторан: Соню, Леву, Игоря, Светочку. Мы сидели в ресторане «Центральный» принаряженные, торжественные. Это была наша общая радость и победа.

Сколько у меня было потом публикаций и премьер и сколько раз я праздновала эти события в ресторанах! Но то первое посещение стоит особняком. Это было так торжественно, так чисто и свято. Со мной была семья, а не люди со стороны. Я была часть семьи, часть целого. Семья — главная ценность человека. Она поддерживает слева и справа. Не дает провалиться и опуститься.

Из ресторана мы возвращались на метро. Эскалатор вез нас вверх, и я буквально возносилась.

Прошло полвека, а я в деталях помню этот поход и это возвращение, хотя что особенного? Ничего особенного...

«Кто весел, тот смеется, кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет».

Я нашла кооператив художников, двенадцать минут до Кремля. На автобусе, разумеется.

Деньги собирали с большим напрягом. Моя мамочка сгребла свои трудовые копейки. Соня одолжила везде, где смогла. Обрекла себя на длительную выплату долга.

Председатель кооператива некий Волков — простоватый, мелкоглазый — рассказывал мне о своей трагедии: его дочка-школьница попала под грузовик. Погибла. И теперь он хочет сменить прежнюю квартиру на новую, чтобы ничего не напоминало. Я сочувственно кивала головой. Что тут скажешь? От Волкова зависело, попадем ли мы в кооператив. Все же мы не художники и не имеем права.

Для закрепления дружбы я пригласила Волкова в гости на улицу Горького.

Соня угощала важного гостя обедом: блинчики с мясом, обильно политые сметаной. Волков ел и оценивал обстановку: культурные родители, милые люди. Взятка не светит.

Только блинчики. Но личное несчастье размягчило его душу, и Волков принял нас в кооператив.

Муж ходил на жеребьевку. Нам досталась квартира на седьмом этаже. Буквально седьмое небо. Соседи — молодые художники. Двери не запирали. Все бегали друг к другу в гости в любое время суток. Это были даже не гости. Просто шло непрерывное молодое общение. Цыганская таборная жизнь. Весело.

Соня и Лева были счастливы, поскольку их сын пребывал в полном порядке. Он работал в НИИ (научно-исследовательский институт), получал сто двадцать рублей в месяц. Мало, но тогда всем так платили. Такая была страна. Ее выстроила Соня, сидя в Коминтерне. Не одна, конечно, в большой компании. Советский Союз — детище Сони, и она любила свою страну, верила в нее, и откровенная бедность бытия ее не смущала. «Как все, так и я».

А меня смущала. Я не хотела быть как все. Я собралась карабкаться по отвесной стене. Куда? Вверх. Сверху дальше видно, и воздух чище, и никакой толкучки. Только избранные.

Надо было с чего-то начинать, и для начала я устроилась в музыкальную школу. Преподавала фортепиано, десять учеников в день. Это много. Я уставала. Возвращаясь домой, выла от усталости. На меня оборачивались: идет девушка и воет.

Я выла не только от усталости, но и от отвращения. Преподавать музыку — не мое. Мое — слушать «Детский альбом» Чайковского, этюды Черни, ригодон, журчание... Откуда журчание? Это мой собственный храп. Я засыпала во время урока. Ученик переставал играть, оборачивал ко мне удивленное лицо. А я спала, сидя рядом, и улыбалась во сне.

Какое-то время так жить можно, но не всегда.

Я решила поступать во ВГИК (Институт кинематографии), на сценарный факультет. Я выбрала сценарный, поскольку мои литературные способности просились и пробивались

наружу. Они выражались в том, что я очень интересно рассказывала. Меня хотели слушать.

Всесоюзный институт кинематографии находился у черта на рогах. Возле сельскохозяйственной выставки. От улицы Горького час на троллейбусе.

Игорь ходил хмурый. Ему казалось, более того, он был уверен, что я поступаю в бордель. Соня и Лева не знали, как относиться ко ВГИКу. Хорошо это или плохо.

Они видели, конечно, что их сын ничем не увлечен и согласен всю жизнь просидеть на одном месте в одном статусе. Может быть, в этом была высшая мудрость: «Летай или ползай, конец известен, все в землю лягут, всё прахом будет». Но ведь до конца, который известен, надо как-то дожить: либо летая, либо ползая. Это разное времяпрепровождение, разные настроения.

Я нравилась Соне и Лева. Они меня поддерживали и даже любили. Но Игорь был дороже. Это их сын, их кровь, а я — человек со стороны. Человек качественный, трудолюбивый, но — со стороны.

Я сдала документы. Приехала на собеседование, и выяснилось, что опоздала. Собеседование прошло днем раньше. Я зарыдала и с воем помчалась в деканат. На дороге мне попала Катерина Виноградская — преподаватель сценарного мастерства. Она набирала себе курс. Я воткнулась в нее и стала бормотать: «Я опоздала, я не знала, я хотела...» — и так далее. На моем лице было столько горя, от меня исходило такое отчаяние, как будто меня приговорили к смертной казни. Катерина Николаевна оторопела и прониклась.

Я была допущена до экзаменов и стала их сдавать.

Во ВГИК меня не взяли. Я недобрала одного балла.

Я приехала на Горького. Семья сидела за столом, пила чай. Все подняли на меня глаза. Я шибанула свою сумку об стену, прошла во вторую комнату-кишку и рухнула там на кровать как подстреленная, уткнулась в подушку. Рыдания неслись

приглушенные, но тело сотрясилось от моего внутреннего землетрясения. Во мне все рушилось, рвалось и умирало.

Родители, Игорь и Светочка тихо приползли в комнату, окружили мое поверженное тело, скорбно молчали. Игорь тоже расстроился. Казалось, он должен быть доволен, я оставалась в его пространстве, при нем, можно жить спокойно, как прежде. Но он видел: я несчастна в этом его пространстве. Я рвусь как зверь из капкана. Он любил меня больше, чем себя. И внутренне согласился: пусть все будет по-моему, так, как я хочу.

Я еще не понимала: это редкий вид любви, идеальная любовь, когда нет никакой торговли: «Ты мне — я тебе». Только ты, только тебе, а мне ничего не надо, только будь.

Когда человек ничем не увлечен, он любит тех, кто рядом. А когда человек гениален, как Эйнштейн, для него люди — мусор. Он не в состоянии думать ни о ком, кроме себя и своей идеи.

Вечером к Соне зашла тетя Валя, мама Шурочки, приехавшая в гости из деревни. Она вызвалась погадать мне на картах. Карты показали, что появится козырный король и принесет исполнение желаний. Я поступлю в институт.

Бред. Какой король? Кто меня примет, когда экзамены уже закончились?

Но оказалось — не бред. Я позвонила Михалкову и зарыдала в трубку. Он не мог понять, кто там страдает и чего хочет. Я напомнила, кто я и что произошло. Сергей Владимирович тут же вспомнил девушку-учительницу, вспомнил свое уважение и принял участие. Он позвонил ректору ВГИКа. Ректор взял список сценарного факультета и вписал туда мое имя. Оказывается, был недобор. На другой день вывесили списки принятых, и там красовалась моя фамилия. Карты не наврали. Вот и не верь после этого.

На первое занятие я явилась с гордо поднятой головой. Я победила судьбу. Сквозь тернии к звездам. Но мой курс не разделил моей гордости. Было очевидно, что я блатная. А это оскорбляло их избранность и «святую к музыке любовь».

Не к музыке, конечно, к литературе и кино. Они ступили в «город золотой с прозрачными воротами и яркою звездой». И я ступила туда же по блату, в сущности самозванка.

Меня невзлюбили. За что? А вот за это, за прическу бабетта и за талию шестьдесят сантиметров.

Сценарий — это мысль. А какая мысль может родиться в моей голове? Я могу рассчитывать только на козырных королей, сначала одного, потом другого.

И вдруг...

Профессор Вайсфельд объявляет задание: немой этюд. Я пишу этюд «Снег в июне». Про тополиный пух. Не совсем про пух. Про любовь, естественно. И Вайсфельд ставит мне пятерку. Больше никому, только мне одной.

А в группе гениальная Мокеева, многоумная Рыбкина, самородок Харламов. Им — четверки, а мне — огурцу-пустоцвету — высший балл.

Группа сбилась в стаю и пошла к Вайсфельду с протестом: «Почему вы поставили Токаревой пятерку, когда всем известно, что за нее написал Харламов?»

Вайсфельд выслушал и ответил:

— Это надо доказать.

Все остались при своих. Группа — с благородным негодованием. Я — с пятеркой. Вайсфельд — со своим абсолютным слухом мастера. Он мог услышать талант из-под земли.

Юра Харламов остался со своей неистребимой любовью ко мне. Он полюбил меня с первого взгляда. Группа пыталась вытравить из него это чувство. Говорили: «Она тобой поиграет и бросит».

Я не играла. Его чувство грело меня, и мы всегда садились рядом. Юра спрашивал:

— Что я должен сделать, чтобы ты стала моей?

— Ты должен стать знаменитым, как Юрий Казаков, — отвечала я.

Юрий Казаков сегодня почти забыт, но в шестидесятые годы он был знаменит. Его сравнивали с Буниным.

Я имела счастье познакомиться с Казаковым лично. Это был рыхлый, спившийся, запущенный, очень неприятный тип. Юра Харламов — много лучше: молодой, спортивный, нерастраченный, способный на сильные чувства.

Юрий Казаков рассказал мне при знакомстве, как он с Евтушенко посетил университет: они вошли в полный зал, конференсье объявил: «Среди нас присутствуют поэт Евгений Евтушенко и писатель Юрий Казаков». Весь зал встал. Шквал аплодисментов.

«Приятно? Приятно. И нечего пердеть», — заключил Казаков.

Я запомнила этот афоризм. И он часто меня посещает, когда мне что-то очень нравится. Я спрашиваю себя: «Приятно? Приятно...» — и так далее.

Юра Харламов не стал знаменитым. И я не ответила на его любовь. Группа оказалась права, как это ни жестоко.

Надо сказать, что никто из моей группы никуда не влез по отвесной стене. А может, и не пытались.

Мало кто из вгиковцев становятся известными сценаристами. Талант — редкость. Природа не заинтересована в большом количестве талантов. Нужны рабочие муравьи, как в муравейнике. А иначе кто работать будет?

Светочка была круглая отличница и шла на золотую медаль.

В десятом классе она влюбилась в Марика.

Марик учился на крепкое три. Не дурак. Просто лентяй.

Высокий, сутулый, некрасивый. Но это мне некрасивый, а у Светочки буквально жгло глаза от его красоты.

Из Светочки получилась справная девушка: нежная кожа, как лепесток тюльпана, хорошая грудь, тонкая талия. Низкий умный голос, сдержанность, за которой прятались сильные чувства. Около Светочки было приятно находиться. Она — как фильтр, очищала и освежала все вокруг. Воздух становился чище, и даже дурные мысли разбегались и прятались. Счастливым будет тот человек, кого она выберет.

Содержание

И жизнь, и слезы, и любовь... <i>Повесть</i>	5
Родня	110
Александр Володин	115
Миша	122
Обыкновенный гений	127
За что я люблю Олега Митяева	131
Прорвавшийся еврей	134
Мой друг Ираклий Квирикадзе	139
Дом Павла Антокольского	186
Читая Довлатова	218
Поздняя любовь	237
Мой Чехов	281
Мужчины класса «а»	295
Ничем не интересуюсь, но все знаю	301
Мои мужчины	308
Римские каникулы	365
Между прочим... <i>Интервью</i>	409

Литературно-художественное издание

Токарева
Виктория Самойловна
Между прочим...

Редактор А. МОТИНА
Художественный редактор Н. ДАНИЛЬЧЕНКО
Технический редактор Л. СИНИЦЫНА
Корректоры О. ЛЕВИНА, Е. БУДАРГИНА
Компьютерная верстка А. ТАРАСОВА

Подписано в печать 22.02.2023.
Формат 60×88 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,44.
Тираж 5000 экз. Y-PRS-31713-01-R. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

18+

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург,
Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55, факс (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Y-PRS-31713-01-R